

Середина седьмого месяца по лунному календарю совпала с сезоном Чушу — концом жары. Однако в этом году зной в Цзяннани и не думал спадать, превзойдя все прошлые лета. Простой люд задыхался в своих лачугах, спасаясь лишь надеждой на вечернюю прохладу, тогда как в богатых поместьях давным-давно расставили медные чаши со льдом, дарящие желанную свежесть.

Янчжоу испокон веков звался краем рыбы и риса. Благодаря полноводному Великому каналу, чьи артерии связывали Поднебесную воедино, здешняя торговля процветала, затмевая многие иные края. Именно здесь, на перекрестке торговых путей, обосновались важнейшие ведомства Юга. Среди них выделялось Управление соляного надзора — оплот казны и средоточие огромной власти.

Но сейчас в жилых покоях Поместья инспектора соляного надзора не было и следа привычного покоя. Напротив, повсюду царила сумятица. Хозяин дома, едва ступив за порог, недовольно поморщился, увидев эту неразбериху. Сопровождавшие его слуги мгновенно уловили гнев господина; дворецкий тут же принялся раздавать грозные указания, и вскоре растерявшиеся служанки покорно разбрелись по своим местам.

Сам хозяин усадьбы, нынешний инспектор соляного надзора, пользовался в чиновничьих кругах немалой славой. Линь Хай едва перешагнул порог тридцатилетия — возраст свершений, — но уже удостоился почетного второго ранга, обладая при этом реальной властью чиновника третьего класса. Для столь молодых лет подобный взлет считался явлением исключительным.

Срочные вести о внезапном ухудшении здоровья супруги застигли Линь Хая прямо посреди службы. Побросав дела, он поспешил назад в поместье и, едва вбежав в тихий внутренний двор, нос к носу столкнулся с почтенным лекарем, только что закончившим осмотр.

Пожилой мужчина уважительно сложил руки в приветствии. Линь Хай торопливо поклонился в ответ.

— Не сочтите за труд, старейшина Чжэн, — сдерживая тревогу, заговорил он. — Как моя супруга? Есть ли надежда?

Старейшина Чжэн когда-то служил в самой Императорской медицинской академии и ушел на покой в чине придворного лекаря. В его высочайшем искусстве сомневаться не приходилось. К тому же он был родом из Янчжоу и давно знался с семейством Линь. Когда Линь Хай, обеспокоенный недугом жены, обратился к нему за помощью, почтенный старец без лишних слов согласился навещать больную.

Но сейчас, услышав вопрос, старейшина Чжэн лишь печально покачал головой.

— Рецепт я выписал, слуги уже ушли готовить отвар, — тихо произнес лекарь. — Но вам, господин Линь, надобно крепиться. Будьте готовы ко всему.

Линь Хай покачнулся, точно от физического удара. Лицо его осунулось.

— Неужто дела совсем плохи?

Старейшина Чжэн промолчал, и это безмолвие было красноречивее любых слов. Линь Хай тяжело вздохнул, устремив на лекаря умоляющий взор.

— Как бы там ни было, прошу вас, старейшина Чжэн, не оставляйте ее в эти дни. Облегчите ее страдания, коли исцелить не в наших силах. Сделайте все, что велит долг милосердия.

Старейшина Чжэн и сам терзался чувством бессилия перед безжалостным недугом госпожи Цзя.

— Сделаю все, что в моих силах, господин Линь, — поспешил заверить он. — Однако позвольте мне осмотреть и вас. На вас лица нет.

Заметив глубокие тени вокруг глаз Линь Хая, старец потянулся к его запястью, намереваясь прощупать пульс, но тот лишь устало отмахнулся.

— Благодарю за заботу, старейшина. Со мной все в порядке. — Предугадывая возражения, Линь Хай торопливо добавил: — Моя маленькая дочь слаба здоровьем с самого рождения. Раз уж вы здесь, не уделите ли ей толику вашего драгоценного времени? Осмотрите девочку, прошу вас.

Настаивать старейшина Чжэн не стал. Уважив волю хозяина, он послушно пошел за слугой, который повел его в девичьи покои.

Сам же Линь Хай направился в главный дом. На крытой галерее, ведущей к спальне супруги, жались испуганные служанки. Завидев господина, одна из них поспешно выступила вперед, склоняясь в глубоком поклоне. Он узнал в ней Люй-и, доверенную служанку госпожи Цзя.

— Почему ты здесь, а не подле хозяйки? — строго спросил он.

Люй-и испуганно взглянула на него, боясь, что господин сочтет ее нерадивой.

— Отвечаю господину, — заговорила она торопливой скороговоркой. — В покоях сейчас старшая сестра Бань-ся и матушка Чжан, они помогают хозяйке принять лекарство. Госпожа сказала, что от суеты слуг у нее лишь сильнее кружится голова, и велела нам выйти.

Линь Хай молча кивнул. Люй-и потянулась было к двери, чтобы предупредить находящихся внутри, но хозяин жестом велел ей молчать. Служанка беззвучно приподняла тяжелый шелковый полог, пропуская его внутрь.

В полумраке опочивальни госпожа Цзя казалась бледной, точно восковая кукла. Она полулежала на постели, бессильно откинувшись на подушки, пока служанка и пожилая нянька вполголоса уговаривали ее сделать хоть глоток целебного варева. Линь Хай с тихим вздохом приблизился.

Услышав шаги, Бань-ся и матушка Чжан обернулись. Завидев вошедшего господина, они торопливо склонились в безмолвном поклоне.

Линь Хай мягко забрал пиалу из рук матушки Чжан и кивком отпустил обеих женщин. Присев на край ложа, он осторожно удержал жену, которая попыталась приподняться, выказывая почтение мужу.

— Лежи, Минь-эр, не нужно вставать, — мягко проговорил он и, зачерпнув ложкой темную жидкость, поднес к ее сухим губам.

Окруженная такой нежной заботой супруга не посмела противиться, как бы тяжело ни было у нее на душе. Она послушно принимала горькое зелье из рук мужа, пока чаша не опустела. Отставив фарфор на лаковый столик, Линь Хай взял из вазочки засахаренную сливу и вложил ей в рот, чтобы перебить удушливую горечь.

Вглядываясь в благородные, мягкие черты супруга, госпожа Цзя со щемящей тоской подумала, за что Небеса столь безжалостны именно к ней. Почему ее жизнь должна оборваться так рано?

Линь Хай ласково погладил ее холодные пальцы.

— Отдыхай и ни о чем не тревожься. Силы вернутся, вот увидишь.

Она лишь горько усмехнулась, не поднимая глаз.

— Не нужно утешать меня, супруг мой. Я ведь чувствую, как угасаю. С тех пор как не стало нашего милого Юй-эра, этот дворик превратился для меня в склеп. Мне уже не выйти отсюда живой.

При упоминании о маленьком сыне, угасшем в прошлом году, даже у стойкого Линь Хая перехватило горло, а в уголках глаз блеснула непрошенная слеза. Однако он не мог позволить себе слабость, страшась еще больше ранить и без того измученное сердце жены.

— Будь наш Юй-эр на небесах, разве пожелал бы он видеть твою скорбь? — мягко возразил он.
— Мы еще молоды, Минь-эр, и Небеса благословят нас детьми. Но даже если ты не думаешь о себе и обо мне... помысли о Дайюй! Наша Юй-эр еще так мала. Как ей расти без материнского тепла? Разве я, мужчина, смогу уследить за всем и дать ей должное воспитание?

Упоминание единственной дочери заставило госпожу Цзя содрогнуться.

«Я ведь лишь влачу жалкое существование, доживая последние дни, — тоскливо подумала она. — Супруг мой благороден и добр, но после моей смерти он непременно возьмет новую жену. Мужчины ничего не мыслят в делах заднего двора. Бедная моя девочка... Мачеха изведет ее, заставит страдать».

Помедлив в нерешительности, госпожа Цзя тихо произнесла:

— Как раз об этом я и хотела просить тебя, супруг мой.

— Мы делили и радость, и горе, — отозвался Линь Хай. — К чему скрывать думы? Говори открыто.

Супруга опустила взгляд, устремив туманный взор на узоры одеяла.

— Если случится непоправимое... и моя матушка придет за нашей девочкой, умоляю тебя, позволь Юй-эр уехать в столицу, в Поместье Жунго.

Линь Хай нахмурился. Услышанное пришлось ему не по нраву, однако, щадя покой угасающей жены, он удержался от резких слов.

— К чему забивать голову столь мрачными помыслами? Твое дело — поправляться. О Юй-эр я позабочусь сам.

Госпожа Цзя зашлась в негромком сухом кашле, но не отступила.

— Я знаю, как сильно ты любишь дочь, — прерывистым голосом настаивала она. — Но Юй-эр — девочка. Ей необходимо женское руководство, наставление в приличных манерах и ведении хозяйства. Если заботу о ней возьмет на себя моя матушка, Матушка Цзя, моя душа на том свете обретет покой.

Линь Хай взгляделся в ее изможденное лицо и тихо вздохнул:

— Мы вернемся к этому разговору позже. А сейчас отдыхай.

Он поправил на ней одеяло, шепнул еще несколько успокоительных слов и покинул опочивальню.

Стоило дверному пологу опуститься за хозяином, как в комнату бесшумно скользнули матушка Чжан и Бань-ся. Заметив опустевшую чашу, нянька радостно всплеснула руками:

— Госпожа, посмотрите, как сильно любит вас супруг! Стоило господину прийти, как вы и

лекарство выпили. Вам нужно лишь усердно лечиться, и к следующей весне недуг как рукой снимет!

Госпожа Цзя лишь слабо улыбнулась:

— Муж мой — благороднейший из людей, да только доля моя оказалась слишком горькой.

Матушка Чжан, выкормившая барышню с пеленок, с глубокой болью глядела на ее исхудавшее, почти прозрачное лицо. Услышав эти слова, она торопливо запричитала:

— Что вы такое говорите, дитятко! Вы — законная дочь великого герцога, рождены для счастья и почета! Не смейте отчаиваться. Матушка Цзя прислала письмо, пишет, что вовсе ищет лучших столичных лекарей. Непременно отыщется тот, кто поднимет вас на ноги!

Госпожа Цзя лишь беззвучно качнула головой, не желая продолжать этот пустой разговор. Заметив ее усталость, нянька замолчала, бережно подоткнула теплое одеяло и уселась рядом, охраняя ее покой.

Но сон не шел к больной. Она лежала с закрытыми глазами, изнывая от тяжелых мыслей.

«Времени у меня почти не осталось, — сокрушалась она. — Какая же я глупая... Из-за безмерной тоски по сыну совсем забыла о будущем Дайюй, а теперь у меня просто нет сил что-либо исправить».

Отослать дочь в столицу было решением отчаянным и горьким. Мужчины далеки от тонкостей домашнего быта, но она, долгие годы правившая усадьбой, слишком хорошо знала изнанку жизни за высокими стенами.

«Сейчас в Поместье Жунго всем заправляет моя вторая сноха, Ван Сифэн. Мы с ней никогда не ладили. Если моя бедная малютка окажется там... пусть даже под крылом матушки, ей не избежать скрытых обид и притеснений. Но какой у меня выбор?»

«Что же до мужа... Молю лишь о том, чтобы он не забыл меня слишком быстро и защитил нашу дочь. Будь его воля не жениться вновь, Юй-эр могла бы остаться дома. Но разве такое возможно для чиновника его ранга?»

В полузабытьи, на грани сна и яви, госпожа Цзя вдруг вспомнила полный ярости взгляд — то самое лицо, которое она видела перед отъездом из столицы много лет назад.

«А что, если?..»

Выйдя от супруги, Линь Хай направился напрямик в соседний дворик, где располагались покои

его старшей дочери. Они с женой состояли в браке уже более десяти лет, но вскоре после свадьбы ушла из жизни его матушка. Из-за строгого трехлетнего траура их первенец, малютка Дайюй, родилась поздно, и сейчас ей едва исполнилось шесть лет.

Беременность госпожи Цзя совпала с назначением Линь Хая в Янчжоу. Закрутившись в вихре государственных дел и переездов, супруги не сразу заметили скорое прибавление, что едва не привело к выкидышу. Жизнь дитяти тогда чудом спасли, но девочка родилась слабой, унаследовав от матери врожденную хрупкость и болезненность.

В те времена люди превыше всего ценили сыновей, пренебрегая дочерьми, но Линь Хай был иного склада. Дайюй была его первенцем, а ее слабое здоровье лишь заставляло отцовское сердце сжиматься от нежности и жалости. К тому же девочка росла необычайно смышленной, обнаруживая столь острый ум, что отец не раз втайне вздыхал, сокрушаясь, что она не родилась мальчиком.

Дорожка быстро вывела его к уединенному домику Дайюй. Еще не переступив порог, Линь Хай уловил тихий, прерывистый плач. Сердце его тревожно сжалось; он ускорил шаг и решительно вошел в комнату.

Около маленькой постели суетились матушка Ван и старшая служанка Сюэчжань, тщетно пытаясь утешить рыдающую девочку.

Линь Хай стремительно приблизился и бережно привлек дочь к себе.

— Юй-эр, дитятко, что стряслось? — спросил он, строго взглянув на растерявшуюся няньку.

Матушка Ван сжалась под его тяжелым взглядом, бледнея от страха перед гневом господина, и не смела проронить ни слова.

Дайюй, почувствовав родное тепло, немного успокоилась. Вспомнив о правилах приличия, она попыталась высвободиться из объятий отца, чтобы совершить поклон, но Линь Хай ласково удержал ее.

— Не нужно, глупышка, — мягко проговорил он.

Окинув служанок суровым взглядом, он велел им удалиться. Безволие и глупость прислуги укрепили его в мысли, что дочери нужно подобрать новых людей. Раньше он полностью полагался на супругу в управлении домом, но за время ее долгой болезни порядок в усадьбе явно пришел в упадок.

Заметив мрачную задумчивость отца, Дайюй испугалась, решив, что ее слезы разгневали его. Она робко замерла, не смея поднять глаз. Линь Хай, заметив эту детскую тревогу, поспешно смягчился и ласково коснулся ее щеки.

— Юй-эр, скажи папе, какая беда стряслась? О чем ты плачешь?

Девочка спрятала личико у него на груди. Плечи ее задрожали, а голос сорвался на тихий всхлип:

— Только что приходил дедушка Чжэн... А когда он ушел, матушка Ван и девицы шептались о болезни мамы. Папа... неужели матушка тоже оставит нас, как наш маленький братец?

Линь Хай бережно погладил ее мягкие волосы. Он помедлил с ответом, чувствуя, как сжимается собственное сердце.

— Не думай о плохом, Юй-эр. С твоей матерью все будет хорошо. Верь мне, папа обо всем позаботится.

Дайюй была слишком проницательна для своих лет. По его едва заметной заминке и грустному взгляду она поняла страшную правду: матушка угасает. Но, не желая добавлять отцу забот и тревог, девочка лишь теснее прижалась к его груди, из последних сил сдерживая рвущиеся наружу слезы.

Линь Хай прекрасно видел, какая буря бушует в душе его маленькой дочери. Чрезмерная чуткость и ранимость этой хрупкой девочки тревожили его — подобный склад характера не сулил здоровья слабому телу.

В памяти всплыли слова умирающей жены. Если еще четверть часа назад он и слышать не желал об отъезде дочери в столицу, то теперь всерьез испугался.

«С ее ранимым сердцем оказаться в чужом доме, на птичьих правах бедного родственника... — с тоской подумал он. — Чужие люди быстро изведут ее. Здешнее одиночество покажется ей раем по сравнению с сытой неволей столичного поместья».

Дайюй, разумеется, не догадывалась о мрачных раздумьях отца. Она безраздельно пребывала во власти детского горя. Каким бы глубоким ни был ее не по годам развитый ум, она оставалась всего лишь ребенком. В прошлом году смерть безжалостно унесла ее младшего брата, а следом слегла и матушка, угасая день за днем. Линь Хай без памяти любил дочь, но бремя государственных забот не оставляло ему времени, чтобы заглянуть в израненную детскую душу. Лишь сегодня, выплакав скопившуюся боль, девочка почувствовала, как тяжелый камень, давивший ей на грудь, наконец немного отпустил.

В этот вечер Линь Хай не ушел, как делал обычно, сославшись на дела. Он остался подле дочери, ласково разговаривая с ней, усадил за ужин и бережно покормил из своих рук. Он сидел у ее постели до тех пор, пока дыхание Дайюй не стало ровным и глубоким.

Лишь когда малютка крепко уснула, он тихо поднялся. Напоследок, перед тем как покинуть

покои дочери, Линь Хай устроил слугам и нянькам такой внушительный разнос, что те еще долго дрожали от страха, клятвенно обещая не спускать глаз с молодой барышни.

<http://bllate.org/book/18189/1751511>